

НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА ПОВЕДЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
НАРРАТИВА В СОВРЕМЕННОСТИ

Раскрываются основные современные взгляды на исторический нарратив как способ презентации рассказа о прошлом. Подчеркнута неоднозначность оценок типов нарратива и возможностей этих типов в реконструкции исторических явлений. На примере специфики нарративов, рассказывающих о христианизации Европы, показаны качества методов нарративизма.

Ключевые слова: современное источниковедение, исторический нарратив, новейшие методы изучения нарратива.

Исторический нарратив (historical narrative) (далее — ИН) — один из заметнейших продуктов современной историографии. Рожденный, как и все прочие продукты такого рода, определенными формами взаимодействия междисциплинарных методов познания истории на фоне информационной революции второй половины XX — начала XXI в., когда актуализировались проблемы выявления, обработки и организации информации.

Большинство адептов нарративизма считает, что ИН — прежде всего способ и форма презентации исторической реальности. Но медиевисты и историки нового времени еще в 1970-х гг. справедливо заметили, что ИН можно считать процессом конструирования автором (безразлично Геродотом или Арнольдом Тойнби) и читателем истории как такой целостности, которая имеет начало конструктора (общую нацеленность), середину (постановку проблемы, задач по ее достижению, их решения) и конец (завершение конструктора и возвращение к настоящему = подчеркивание его актуальности) [Зверева, с. 11—24; White, 1980, p. 5—27; Mink, p. 77—83; Lifshitz, p. 95—113]. Они же подчеркнули, что ИН — всегда тип *повествовательного* текста как *интерпретации* прошлого (наблюдение, рожденное рефлексией на изыскания Ф. Анкерсмита) [White, 1995, p.64 — 65; ср.: Partner, p. 162—172].

Недаром ряд науковедов, занимающихся исторической эпистемологией, связал появление ИН с обострением внимания к различиям между историческим исследованием как способом добычи исторических фактов и историописанием-рассказом, в котором историк упорядочивает эти факты и наполняет их смыслом, определяемым культурным контекстом, в котором сей историк работает и живет. Любители теоретизирования в источниковедении и историографии утверждают, что в результате ИН оказывается реалистичным (ибо содержит высказывания правдоподобные) и субъективным (ибо он — продукт социальной и прочей культуры субъекта, коему заранее известен финал его рассказа, стремящегося стянуть сюжетные, во многом субъективные линии воедино). Поэтому ИН, конечно, можно считать не столько описанием прошлого, сколько «методичкой» по пониманию исторической реальности. В этом смысле его недостатки понимал еще сатирик II в. Лукиан (трактат «как следует писать историю»), а в XII в. указал на

возможности доведения подобного субъективизма до абсурда Оттон Фрейзингенский («Хроника, или история двух градов»).

Некоторые эпистемологии в современных подходах к ИН выделяют два его типа. 1) «Нарративный идеализм» — толкование ИН как интерпретации прошлого (в основном — путем нахождения единства в разнообразии) и презентации прошлого (конструкта, автономного по отношению к исторической реальности). При таком подходе ИН не взаимодействует с прошлым, а обозначает его языком историка-субъекта, добавляя к картине прошлого продукцию осмыслительной работы историка («формации», «цивилизации», «классовую борьбу» и т. д.). В конечном счете прошлое называется не основой (фактологией, явлениями) теста историографии, а базой для конструкции ИН как не слишком определенных высказываний, связывающих описанное прошлое и окружающие историка явления так, чтобы угадать смыслы непонятных ситуаций. Посему ИН обращен не к самому прошлому, а к дискурсу по поводу прошлого, к интерпретациям прошлого, превращаясь в ипостась историографии. Но в отличие от классической историографии ИН согласует разные интерпретации не через проверку фактами, а с аргументами вторичных текстов (трактатов, статей, монографий). Классический пример — фундаментальная книга крупного немецкого антиковеда А. Демандта о падении Западной Римской империи [Demandt].

Таким образом ИН становится образом прошлого, его предпочтительной интерпретацией [Ankersmit, 1978, p. 181—213; Ankersmith, 1989, p. 13—14]. Ахиллесова пята такого подхода — возможность того, что «если рассказ противоречит фактам, то тем хуже для фактов».

2) «Нарративный реализм» лучше всего презентован на сегодняшний день американским специалистом Алланом Мегиллом как хронологически построенное сообщение, с началом, серединой, концом, которое соединяет исследуемое время со временем исследователя путем дескриптивных, аргументационных и объяснительных суждений, причем все эти суждения располагаются в такой интерпретационной структуре, которая органически связана с настоящим [Megill, p. 218—222]. Здесь большую роль играет именно эта структура, демонстрирующая главенство авторского замысла над описываемыми фактами, ибо лишь она организует эти факты в связный рассказ.

С конца 1970-х гг., благодаря необычайной для методологии эффектности изысканий Карло Гинзбурга, ИН обогатился вниманием к предложенной итальянским исследователем «уликовой парадигме», новому методу создания ИН. Этот метод подразумевает, во-первых, традиционные способы добывания эмпирики, но с одной поправкой — знание о факте/явлении возникает благодаря обнаружению его индивидуальных *sintomi*, «улик» (*le prove*). Во-вторых, такие процедуры сопровождаются конструированием предварительных (хотя и аргументированных) *conclusioni* («выводов»), чуждых метафорическим интерпретациям прошлого [Ginzburg, 1979,

р. 59—106]. В итоге, по мнению Гинзбурга и его последователей, ИН создает особый *il mondo storico*, в котором история — одновременно и *art* и *science*. Благодаря такому своему качеству ИН способен превратить чуждое, малопонятное нам прошлое в *il suo vero* («свое настоящее») [Ginzburg, 1989, р. 65—67]. Отсюда и оптимизм в отношении такого метода — ИН оказывается связан и с исторической памятью, и с национальной идентичностью, о чем столь любопытно пишут в Москве — Л. П. Репина, а в Екатеринбурге — В. В. Высокова.

Конкретное воплощение рассмотренных весьма эклектичных суждений об ИН можно иллюстрировать массой примеров. Возьмем только один — оценку нарратива, касающегося такого актуальнейшего сюжета истории раннесредневековой Европы как ее христианизация. Как известно, формальная христианизация Северной, Центральной и Восточной Европы пришлось на X — начало XI в., и в практике исторического нарратива это презентовалось как превращение королей, племенных герцогов, князей и других лидеров из предводителей *gentes* в христианских государей [Urbańczyk, р. 230—231]. Христианская идентичность, увязываемая документацией на данной стадии развития с властью, постепенно становилась социальной категорией, которая структурировала общества переходного состояния по новым типам дифференциации и кооперации. Ряд специалистов в области исторической антропологии полагает, что в этот крайне дискомфортный переходный период многие социальные группы выбирали «обращение» и тем самым новую форму религиозной идентификации в силу тогдашней роли религии в международных «социальных сетях»: «хабы» христианские сети — дворы королей и прочей знати, епископальные центры и монастыри — были в то же время центрами социальной власти [Gagirzanov, р. 1].

Нетрудно заметить, что здесь налицо увязывания плохо различаемых реалий прошлого (вспомним хотя бы Корсунскую легенду о крещении Владимира) со «своим» настоящим (в духе К. Гинзбурга) через рассмотрение текстов с помощью понятия *social networks* [Ibid.]. Будучи связанными с высокопоставленными властными лицами, с их организацией (об этом нарратив, начиная с «Англосаксонской хроники» на Западе и кончая «Повестью временных лет» на Востоке повествует с обилием фактов), христианские «социальные сети», по мнению сторонников как идеалистического ИН, так и реалистического ИН, формировали группы людей с общими интересами нового типа и обеспечивали высокую степень поддержки новой религиозной идентичности, смягчая ряд противоречий во все более расслаивающейся массе свободных общинников, противоречий, обусловленных издержками переходного времени. Элитным группам, вовлеченным в эти «сети», христианские ритуалы, литургии и тексты служили, кроме всего

прочего, для определения (с помощью «пробы» на христианскую идентичность) и анализа круга лиц с интересами, близким элите, и сопоставления этого круга с «чужими», т.е. язычниками, иудеями, еретиками.

Ранние исторические тексты (труды Саксона Грамматика, Бэды Почтенного, Видукинда, Галла Анонима, Илариона Киевского и др.) играли важную роль в формировании этой идентичности, хотя целеполагания и результаты рефлексии подобного нарратива использовались весьма различно, в зависимости от конкретных ситуаций. Многие из этих повествований имели тенденцию к построению дихотомии «христиане и другие», изображая последних негативно. Отсюда читатели/слушатели связывали себя с позитивно описываемой идентичностью христианина, снова и снова подтверждали такого рода самоидентификацию [Kersken, 1995, s. 843—844; Pizarro, p. 93—94].

Сторонники реалистичного ИН верно замечают, что некоторые повествования Северо-Восточной Европы того времени презентовали эту дихотомию с элементами историзма: великое христианское настоящее сменило позорное языческое прошлое (ярче всего — у Галла Анонима, а позже — у Генриха Латвийского). Другая подмеченная тенденция в нарративе — уменьшение значимости языческого времени своего народа до нуля или же опущение описания этого периода вообще, сосредоточив внимание на стремлении к «обращению» первых христианских правителей и на времени после них. В некоторых сюжетах ИН христианская идентичность определяется институциональными или этническими признаками (например, подчеркивание «цивилизованности» полей) и принижении враждебных соседей, «плохих» христиан или иудеев, которым отводится роль «других».

Но даже те раннесредневековые авторы, которые презентовали свой «народ» как силу, стимулирующую повествование (как Иордан презентовал готов, Видукинд — саксов, Нестор — русь), акцентировали внимание на их чуть ли изначально тяготении к христианской вере, но не скрывали их языческого прошлого, изображаемого тоже довольно позитивно (например, через идентификацию готов с гетами). Здесь надо учитывать, что многие из повествователей создавали свои труды вблизи центров власти, будучи лояльными слугами конкретной династии, а лояльность к династии побуждала к позитивному изображению ее языческого прошлого. Однако и эти нарративы подчеркивали христианскую природу правящих династий, их близость к Господу [Garipzanov, p. 2]. Следует, однако, оговориться, что, хотя и разные по стратегии своих повествований, исторические нарративы Северо-Восточной Европы могут быть оценены как типологически сходные тексты: их авторы-клирики вписывали локальные реалии, местную паству в универсальную христианскую повествовательную схему, заданную развитием человеческих родов в тексте Ветхого Завета, и тем самым преподносили свои регионы, народы и правящие династии как органичные составляющие Града Божьего [Foot, p. 102].

Надо учитывать, что сохранившиеся наиболее ранние исторические повествования Северной, Центральной и Восточной Европы завершили свое оформление в течение XII в., через столетие или даже больше, нежели даты, которыми фиксируются крещения элит в этих регионах. Например, формальное крещение Дании относят к 987—988 гг., а самый ранний ИН об этом, текст бенедиктинца Эйлнота Кентерберийского о Свене Великом и святом Кнуде (ок. 1110—1120 гг.) и «Роскильская хроника» (ок. 1138 г.) были созданы почти через полтора столетия.

К XII в. относятся самые ранние христианские исторические тексты Норвегии — анонимная «*Historia Norwegiæ*», анонимный синопсис «*Ágrip af Nóregskonungasögum*», «История» Теодрика Монаха, характеризующие развертывание христианизации страны с усилий Олава Трюггвасона и святого Олава. Примечательно, что старейшее из известных исторических сочинений о древней Исландии «*Íslendingabók*» было создано ок. 1125 г., т. е. хотя и раньше названных норвежских нарративов, но большее чем на столетие позже крещения исландцев в 999—1000 гг. Сочинение Галла Анонима, фиксирующее, кроме всего прочего, крещение Польши в последней трети X в., и «Повесть временных лет» также были написаны на сто с лишним лет позднее формального крещения поляков и Руси. Хроника Козьмы Пражского была создана ок. 1119—1125 гг., больше чем через два века после крещения Богемии [Kersken, 2000, S. 864].

Таким образом эти ИН, будучи составлены через много поколений после формального крещения тех или иных народов, в полном соответствии с тогдашним уровнем сохранения и передачи информации неизбежно фиксировали лишь фрагменты стирающейся исторической памяти о подлинных обстоятельствах начала христианизации [ср.: Vansima, p. 18—19]. Лакуны в памяти о столь важных событиях, однако, как и положено, заполнялись мифологемами (типа компонентов Корсунской легенды), что также являлось рефлексией в пределах тогдашних парадигм письменной истории и христианской идентичности.

Зверева Г. И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // *Одиссей*. 1996. М., 1996. С. 11—24.

Ankersmit F. R. Het narrative element in de geschiedschrijving // *Tijdschrift voor Geschiedenis* 1978. No. 9. P. 181—213.

Ankersmit F. R. The Reality Effect in the Writing of History: The Dynamics of Historiographical Topology (Mededelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde). Amsterdam, 1989.

- Demandt A.* Der Fall Roms. Die Auflösung des römischen Reiches im Urteil der Nachwelt. München, 2014.
- Foot S.* Finding the Meaning of the Form: Narratives in 7 Annals and Chronicles // Writing Medieval History. Ed. N. Partner. London, 2005. P. 88—108.
- Garipzanov I. H.* History Writing and Christian Identity on a European Periphery // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery. Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070—1200) Turnhout, 2011. P. 1—11.
- Ginburg C.* Clues, Myths and the Historical Method. Baltimore, 1989.
- Kresken N.* Die Anfänge nationaler Geschichtsschreibung im Hochmittelalter: Widukind von Corvey, Gallus Anonymus, Cosmas von Prag, Gesta Hungarorum // Europas Mitte um 1000. Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie / Hrsg. A. Wieczorek / H.-M. Hinz, Bd. 2. Stuttgart, 2000. S. 863—867.
- Kersken N.* Geschichtsschreibung im Europa der 'nationes': Nationalgeschichtliche Gesamtdarstellung im Mittelalter (Münstersche Historische Forschung, Bd. 8). Köln, Weimar, Wien, 1995.
- Lifshitz F.* Beyond Positivism and Genre: "Hagiographical Texts" as Historical Narrative // Viator. 1994. Vol. 25. P. 95—113.
- Megill A.* Historical Knowledge, Historical Error. Chicago, 2007.
- Mink L. O.* Everyman his or her Own Annalist // Critical Inquiry, 1981. Vol. 7. No. 4. P. 77—83.
- Partner N.* Hayden White: The Form of the Content // History and Theory. 1998. Vol. 37. P. 162—172.
- Pizarro J.-M.* Mixed Modes in Historical Narrative // Narrative and History in the Early Medieval West / Ed. E. M. Tyler, R. Balzaretto (Studies in the Early Middle Ages. Vol. 16). Turnhout: Brepols Publishers n.v., 2006. P. 91—104.
- Urbańczyk P.* Foreign leaders in Early Slavic societies // Integration und Herrschaft: Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter / Hrsg. W. Pohl, M. Diesenberger. (Denkschriften der philosophisch-historischen Klasse, Band 3). Wien, 2002. S. 215—267.
- Vansina J.* Oral Tradition as History. New York, 1985.
- White H.* A Response to Professor Chartier's Four Questions // Storia della Storiografia. 1995. Vol. 27. P. 63—70.
- White H.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7. No. 1. P. 5—27.

УДК 94(571.16).05/.06

С. Н. Копырина

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОМЫШЛЕННОМ ОСВОЕНИИ
РАЙОНА ТОМСКА В XVIII в.

В статье освещаются вопросы истории промышленного освоения территорий в окрестностях Томска по документам, хранящимся в Государственном архиве Свердловской области (далее ГАСО). Представлены сведения о начале организации сереброплавильного производства на реке Каштак.

Ключевые слова: Томск, промышленность, серебро, Сибирь, Каштак, Гмелин, Клеопин, Левандиан.

Поиски руд в Томском уезде начались в начале XVIII в. по личному распоряжению Петра I. Но только в начале 1730-х гг. были найдены относительно богатые рудники в 200 верстах от Томска на реке Кожух. Сюда